

МИСТЕРИЯ САТУРНА

Служители Храма

МАСТЕР ХРАМА, представитель Бины, Сатурн¹.

НЕБЕСНАЯ МАТЬ, Венера в Весах — знаке экзальтации Сатурна².

БРАТ ВОДОЛЕЙ, обитель Сатурна; пребывает в Хесед, поскольку Рыбы суть вода³; «Надежда».

БРАТ КОЗЕРОГ, на престоле Козерога, обители Сатурна; пребывает в Гебура, поскольку в этом знаке экзальтирует Марс. Он — Марс в Козероге⁴.

БРАТ ВЕСТНИК КОЗЕРОГА⁵.

ПРЕДВОДИТЕЛЬ ХОРА, или КОРИФЕЙ.

Сцена

На востоке располагается святилище, укрытое завесой и заключающее в себе алтарь⁶. По отношению к нему Хокма, Бина, Хесед и Гебура суть Мастер Храма, Небесная Мать, Брат Водолей и Брат Козерог соответственно⁷. Брат Вестник Козерога скрывается под облачением простого стражника.

МИСТЕРИЯ САТУРНА

ЧАСТЬ I

***БРАТ КОЗЕРОГ** входит и гасит синий свет⁸. **БРАТ КОЗЕРОГ** и **ПРЕДВОДИТЕЛЬ ХОРА** вносят красные светильники.*

*Первоначально Храм освещен двумя красными светильниками⁹. **ПОСЛУШНИКИ** читают нараспев разделы Козерога и Водолея из «Книги 963»¹⁰:*

[Козерог

Глава, известная как Двенадцать Смирений пред Богом и Единство оных¹¹]

¹ Бина («Понимание») — третья сефира Древа Жизни; ей соответствует планета Сатурн. В постановке 1910 года роль Мастера Храма исполнял Алистер Кроули. — *Примеч. перев.*

² В постановке 1910 года роль Небесной Матери исполняла Лейла Уоддел. — *Примеч. перев.*

³ Зодиакальный знак Рыб — знак стихии Воды и ночная обитель Юпитера, соответствующего сефире Хесед («Милосердие»); вода, в свою очередь, символически связана как с сефирой Хесед, так и с Водолеем — дневной обителью Сатурна. — *Примеч. перев.*

⁴ Козерог — ночная обитель Сатурна; сефира Гебура («Сила») соответствует Марсу. — *Примеч. перев.*

⁵ Эту роль в постановке 1910 года исполнял Виктор Нойберг. — *Примеч. перев.*

⁶ Символическое местоположение сефиры Кетер. — *Примеч. перев.*

⁷ Таким образом, пост Мастера Храма (Хокма) находится на юго-востоке, пост Небесной Матери (Бина) — на северо-востоке, пост Водолея (Хесед) — на юго-западе, а пост Козерога (Гебура) — на северо-западе. — *Примеч. перев.*

⁸ В постановке 1910 года использовалась электрическая синяя лампа. Выключатель располагался у входа в зал. — *Примеч. перев.*

⁹ В постановке 1910 года использовались небольшие свечи, помещенные в шарообразные фонари из красного стекла. Один светильник в начале действия держал Козерог, другой — Предводитель хора. — *Примеч. перев.*

¹⁰ «Книга 963» — произведение Дж.Ф.Ч. Фуллера, известное также под названием «Сокровищница образов». Собрание экстатических гимнов, сгруппированных в соответствии с двенадцатью знаками зодиака. — *Примеч. перев.*

¹¹ Каждая глава «Книги 963» состоит из тринадцати параграфов; число 13 — гематрическое соответствие еврейского слова *ахад* (Алеф=1, Хет=8, Далет=4, 1+8+4=13), означающего «единство». — *Примеч. перев.*

Поклоняюсь Тебе Двенадцатью Смирениями и Единством оных!

1. О, мой Бог! Узри меня всего, как я есть, и будь милосерд ко мне, простертому пред Тобою в смирении; ибо все мои поиски — как нетопырь, что ищет ложбину ночи в пустыне, выжженной солнцем.

2. О, мой Бог! Наставь меня на праведный путь и будь милосерд ко мне, простертому пред Тобою в смирении; ибо все мои помыслы — змей полдневного ветра, одетый прахом, пляшущий на пепельной траве закона.

3. О, мой Бог! Покори любовью меня и будь милосерд ко мне, простертому пред Тобою в смирении; ибо все боренья духа моего — лишь поцелуй ребенка, что тщится прильнуть к щеке сквозь спутанное облако волос.

4. О, мой Бог! Вскорми меня истиной и будь милосерд ко мне, простертому пред Тобою в смирении; ибо все томленья муки моей — перепел, бьющийся в пасти голодного волка.

5. О, мой Бог! Даруй облегчение мне и будь милосерд ко мне, простертому пред Тобою в смирении; ибо все труды моей жизни — крошечный белый мышонок, плывущий через великое море карминной крови¹².

6. О, мой Бог! Обратись ко мне с кротким словом и будь милосерд ко мне, простертому пред Тобою в смирении; ибо все труды мои — словно стальной челнок, мечущийся без нити на черном ткацком станке ночей.

7. О, мой Бог! Обласкай меня поцелуями и будь милосерд ко мне, простертому пред Тобою в смирении; ибо все желанья мои — словно капли росы, льющиеся из серебряных лилий в горло юного бога.

8. О, мой Бог! Возвеличь меня кровью и будь милосерд ко мне, простертому пред Тобою в смирении; ибо вся моя смелость — лишь клык гадюки, вонзенный в розовую пятау зари.

9. О, мой Бог! Научи терпенью меня и будь милосерд ко мне, простертому пред Тобою в смирении; ибо все мои знания — как сухая солома, сметенная во тьму пустоты.

10. О, мой Бог! Измерь меня без ошибки и будь милосерд ко мне, простертому пред Тобою в смирении; ибо все восхваленья мои — лишь единая буква свинца в позлащенных письменах на камне.

11. О, мой Бог! Наполни дремотой меня и будь милосерд ко мне, простертому пред Тобою в смирении; ибо вся моя бодрость — лишь облако на закате, что подобно скользящей в росах змее.

12. О, мой Бог! Распали меня радостью и будь милосерд ко мне, простертому пред Тобою в смирении; ибо вся сила ума моего — как шелковые сети между млечными сосцами звезд.

13. О, мой Бог! Поглоти меня огнем и будь милосерд ко мне, простертому пред Тобою в смирении; ибо все разуменье мое — как тонкая нить, которую тянет паук за собой от звезды до звезды в галактике новорожденной.

О, Слава Тебе во всех Временах и во всем бесконечном Пространстве; Слава, и Слава превыше Славы, во веки веков! Аминь, и Аминь, и Аминь.

[Водолей

Глава, известная как Двенадцать Причитаний пред Богом и Единство оных]

Поклоняюсь Тебе Двенадцатью Причитаниями и Единством оных!

---

¹² Великое море — символ сефиры Бина, соответствия которой — «кровь Святых» и малиновый (карминный) цвет. — *Примеч. перев.*

1. Горе мне, о, мой Бог, горе мне! Ибо все песнопенья мои — плач морского прибоя над трупом, плещущего в великой скорби о мертвый берег во тьме. Но в рыдании ветра я слышу имя Твое, вдыхающее жизнь в холодные губы смерти.

2. Горе мне, о, мой Бог, горе мне! Ибо все славословья мои — песня птицы, уловленной в силки ветров и ввергнутой в глухую пропасть ночи. Но в зыбких нотах музыки моей я различаю мелодию всеобщей истины.

3. Горе мне, о, мой Бог, горе мне! Ибо все деянья мои подобны тому, кто спит, свернувшись клубком, и не чует дня и самого рассвета, ястребом парящего над бездной. Но во мраке пробужденья вижу я твой смутный образ, простершийся на персях ночи.

4. Горе мне, о, мой Бог, горе мне! Ибо все труды мои — усталые, тяжелые волны, изъязвленные стрекалом, ведущие черную борозду чрез белое поле света. Но в ничтожном следе их медлительной работы я провижу золотой урожай Твоего сияния.

5. Горе мне, о, мой Бог, горе мне! Ибо вся надежда сердца моего растерзана, как тело девы, угодившей в лапы буйных разбойников. Но в попании невинности моей я открываю светлую манну Твоей чистоты.

6. Горе мне, о, мой Бог, горе мне! Ибо вся страсть любви моей смущена, как очи юноши, который, пробудившись, видит, что возлюбленная его бежала прочь. Но на смятом ложе сладострастия я созерцаю запечатленный знак имени Твоего.

7. Горе мне, о, мой Бог, горе мне! Ибо вся радость дней моих лежит оскверненная, как Дева ночи в звездном уборе, смятая и растоптанная жеребцами Зари под солнечным бичом. Но в неистовстве их соитий трепещут пред взором моим жемчужные росы вдохновенного света.

8. Горе мне, о, мой Бог, горе мне! Ибо все стремленья сердца моего сокрушены, как в содроганиях земли рушится жалкая лачуга, построенная отшельником для молитвы. Но, покинув башню разума моего, разбитую молнией, я вступаю в дом Твой, что воздвигнул Ты для меня¹³.

9. Горе мне, о, мой Бог, горе мне! Ибо вся моя радость — лишь облако пыли, застилающее память слёз, гонимое ветром по бестенному челу пустыни. Но с груди рабыни я срываю благовонный цветок Твоего Карминного Великолепия.

10. Горе мне, о, мой Бог, горе мне! Ибо все пиршества плоти моей — лишь глад гробового червя в корчах медлительного распада. Но в червоточинах тления моего я прозреваю озаренные солнцем воинства венценосных орлов.

11. Горе мне, о, мой Бог, горе мне! Ибо все искусство мое — как негодная стрела, бесперая и кривая, сорвавшаяся с тетивы в руках младенца. Но в неверном ее полете я постигаю неколебимые пути премудрости Твоей.

12. Горе мне, о, мой Бог, горе мне! Ибо вся моя вера — как грязная лужа в гибельной чаще лесной, расплесканная ногой бесшабашного юного гнома. Но как ночной пожар, бушующий в деревьях, мне сияет дальний светоч Ока Твоего.

13. Горе мне, о мой Бог, горе мне! Ибо вся моя жизнь клонится к закату, как солнце на западе, что бьется в удушливых объятьях Ночи, испещренное звездной пеной ее поцелуев. Но в самой полночи души моей я всё ж несу, подобно скарабею, перстень имени Твоего.

О, Слава Тебе во всех Временах и во всем бесконечном Пространстве; Слава, и Слава превыше Славы, во веки веков! Аминь, и Аминь, и Аминь.

Остальные ждут в темноте. После этого красные светильники убирают за завесу.
БРАТ КОЗЕРОГ включает синий свет.

---

¹³ Башня, разбитая молнией, и Дом Божий — символы XVI аркана Таро. — *Примеч. перев.*

*Храм погружен во мрак; помощники расселись по местам. **БРАТ КОЗЕРОГ** встает со своего престола и трижды ударяет в пол тупым концом копья. **МАСТЕР ХРАМА** и **НЕБЕСНАЯ МАТЬ** укрыты в святилище.*

КОЗЕРОГ. Procul, O procul este profane!¹⁴

Совершает Ритуал изгоняющей пентаграммы. Затем зажигает адское варево¹⁵ и читает¹⁶:

Как шипящий тайный звук
Перехватит горло вдруг
И предателя удавит без веревки и без рук;

Как нечистая рука
Горсть священного песка
Зачерпнувши, навлекает смертный огонь на дурака;

Как богами ослеплен
Соглядатай и шпион,
Если взором дерзновенным ход мистерий осквернен;

Как забывший божий дом
Жрец на пиршестве святом
Силой пищи освященной обращается скотом;

Как слепые духи зла
Перед волею жезла
Возопив, бегут в смятенье и трепещут по углам;

Как владыка адских врат,
Словом мудрости заклят,
Бьется в путах чар незримых, жарким пламенем объят;

Так и ты, непосвященный,
Отпрыск бури беззаконной,
Испытаешь гнев заклятий, ярость стали раскаленной!

Образумься — прочь, о, прочь!
Оку брэнному невмочь
Созерцать огонь безвидный, деву, канувшую в ночь!

---

¹⁴ «Прочь, о прочь, непосвященные» (лат.). Классическая латинская формула (известная также в греческом варианте — «Некас, hekas, este bebeloi»), возвещающая о начале церемонии и, в то же время, предостерегающая посторонних о том, что доступ в освященное пространство Храма им закрыт. Формула эта восходит к словам, которыми Кумская Сивилла в «Энеиде» Вергилия отгоняет псов, приблизившихся к жертвенным животным у святища: «И тут воскликнула жрица: “Ступайте, // Чуждые таинствам, прочь!”» (VI, 258—259, пер. С. Ошерова). Уже в древности данная формула была неотъемлемым элементом многих мистерий и магических церемоний, а со временем вошла и в обиходную речь в качестве известного афоризма (к примеру, А.С. Пушкин использовал ее в сокращенном виде как эпиграф к стихотворению «Поэт и толпа»). — *Примеч. перев.*

¹⁵ Подразумеваются воскурения на углях в сосуде. В постановке 1910 года в качестве сосуда для «адского варева» использовался большой котел с широким горлом. — *Примеч. перев.*

¹⁶ Следующие далее стихи — хор из пьесы Кроули «Роковая сила» (1899). Здесь и далее используемые в тексте ритуала стихотворения приводятся в переводе Анны Блейз, если не указано иначе. — *Примеч. перев.*

Прочь! А ты, о тайный пламень,
Озари позорный камень,
Дабы Имя вечных бдений зазвучало пред богами!

Славим мужа трисвятого
Дома, солнцем обвитого,
На челе его премудром — знак божественного слова!..

... Как шипящий тайный звук
Перехватит горло вдруг
И предателя удавит без веревки и без рук...

КОЗЕРОГ. Братья! Разбудим Мастера Храма!

***ПРЕДВОДИТЕЛЬ ХОРА** бьет в тамтам, остальные братья топаят ногами и бьют в ладоши. Все тщетно.*

КОЗЕРОГ. Умолкните, Братья! Все тщетно. Призовем на помощь Небесную Мать!

***КОЗЕРОГ** подходит к святилищу и простирает руки за завесу.*

***НЕБЕСНАЯ МАТЬ** (проходит мимо престола **МАСТЕРА ХРАМА** и выходит из-за завесы). Чего вы хотите от меня, дети?*

КОЗЕРОГ. О, Небесная Мать! Умоляем тебя: разбуди Мастера!

НЕБЕСНАЯ МАТЬ. Который нынче час?

КОЗЕРОГ. Четверть часа до полуночи, о Небесная Мать!

НЕБЕСНАЯ МАТЬ. Будь по-вашему!

***НЕБЕСНАЯ МАТЬ** играет на скрипке¹⁷. Закончив, опускается на колени. Завеса медленно раздвигается, и зрителям становится виден **МАСТЕР ХРАМА**, стоящий в святилище. Он медленно выходит из-за завесы, благословляет **НЕБЕСНУЮ МАТЬ** и помогает ей подняться. **НЕБЕСНАЯ МАТЬ** возвращается на престол.*

МАСТЕР ХРАМА. О, Мать Небесная, возлюбленная Звезд! Зачем ты пробудила Древнее Зло, Обитателя Вечности?

НЕБЕСНАЯ МАТЬ. Шаббатаи¹⁸.

***МАСТЕР ХРАМА** подходит к адскому вареву и читает «Глаза Фараона»¹⁹:*

В чертогах мрака, саваном одетый,
Сидел на троне мертвый фараон;
Рубины глаз его, как две планеты,

¹⁷ «Куявяк» [Генрика] Венявского [1835—1880]. — Примеч. А. Кроули.

¹⁸ Шаббатаи — древнееврейское название планеты Сатурн. — Примеч. перев.

¹⁹ Стихотворение из поэтического сборника Кроули «Горгульи» (1905). — Примеч. перев.

Горели злобой сквозь могильный сон.

Безмолвен и недвижим, точно камень,
Он восседал в узилище пелён,
И только глаз его свирепый пламень
Метался, отражаясь от колонн.

Как гаруспиций, ужасом объятый,
В крови закланной жертвы зрит, дрожа,
Крушение судеб, рок царей проклятых,
И мор, и трус, и глад, и адский жар,

Так и в глазницах избранного Сетом
Пылала злоба против света дня,
Снедающая в вечности клеветов
Владыки преисподнего огня.

Да! некое чудовищное знание
Таилось в пламенах его лица,
Как змеи, что клубятся в ожиданье
На ступенях подземного дворца,

И, озаренный призрачным свеченьем,
Белел во мгле его надбровный свод:
Так лунный лик ответом на моленье
Перед ливанским друзом восстает.

И повторяли гулкие колонны
Зловещую музыку адских сил —
Как потусветных систров перезвоны
В руках жрецов, восставших из могил.

И рвался черный воздух, рассеченный
Зловоньем смерти в злате опахал:
Так турок ятаганом золоченым
Живот нубийской девы распахал.

И, бесами воздушными развеян,
Ложился на язык тончайший прах
Порочных и изысканных царевен,
Почивших в незапамятных веках.

И, сверх всего, терзали осязанье
Безумной сарабандой ласк и мук
Незримых губ манящие лобзанья
И влажные касанья хладных рук.

И неофит, узревший лишь однажды
В очах царя чудовищную весть,
Пылал с тех пор неутолимой жаждой
На место посвященного воссесть.

Высоко вознеся свое стремленье,
Меж мудрецов и воинов один,
Увенчан этой думой, шел в сраженье,
Спускался в склеп, на башню восходил,

И, прах несметных воинств отряся,
Взметнул кровавый факел до небес,
И огненные чары заплясали
Вкруг пирамиды — чуда из чудес,

Где царственный пришелец из-за гроба
Во тьму глаза горящие вперил,
Сверкающие ужасом и злобой,
Как трупные гнилушки из могил, —

И, се! ревушим пламенем одеты,
В агонии последнего суда
Его глаза — две алые планеты —
В бездонной тьме угасли навсегда.

Пауза.

Свет догорает²⁰, и всё погружается во тьму.

ПРЕДВОДИТЕЛЬ ХОРА незаметно уносит сосуд с адским варевом.

ЧАСТЬ II

Храм во Тьме.

МАСТЕР ХРАМА (1 удар). Брат Водолей! Который нынче час?

ВОДОЛЕЙ. Полночь.

МАСТЕР ХРАМА (1 удар). Брат Козерог! Что это за место?

КОЗЕРОГ. Крепость на Границе Бездны.

МАСТЕР ХРАМА (1 удар). Братья Водолей и Козерог! С нами ли Возлюбленная?

ВОДОЛЕЙ и **КОЗЕРОГ**. Небесная Мать на престоле.

МАСТЕР ХРАМА. О Небесная Мать! Восплачем!

НЕБЕСНАЯ МАТЬ играет на скрипке²¹. **МАСТЕР ХРАМА** читает «Ilicet»
Суинберна:

Настал конец печалям и веселью:
Весь день, всю ночь безмолвие объемлет,
Не прозвучат в тиши ни смех, ни стон.
Конец тому, что было нам отрадой,
И ласковым речам, и нежным взглядам,

²⁰ Подразумевается, что угли в сосуде с благовониями должны догореть сами по себе. — *Примеч. перев.*

²¹ Арию соль мажор [И.С.] Баха, аранжированную для струнных. — *Примеч. А. Кроули.*

Конец всему, всему, дурманный сон.

Не место здесь мечтам и упованиям,
Не время — запоздалым причитаньям:
Ни губ — для смеха, ни для плача — вежд.
Чреда прожитых лет ушла в забвенье,
Отныне — ни скорбей, ни наслажденья,
Ни страхов не осталось, ни надежд.

За гранью всех столетий и вселенных
Убийца чист от крови убиенных,
Глупец неотличим от мудреца,
И грешник искушенью неподвластен,
И праведник ко благу безучастен:
В покое без начала и конца

Распались все союзы, все объятья;
Лишь Зло Добру твердит: «О, брат мой, брат мой!
Услышь меня, ведь мы с тобой — одно!»
Но остальным — ни встреч, ни расставанья,
Ни веры, ни борьбы, ни покаянья,
Ни выбора отныне не дано.

Навеки опочивших не разбудят
И те ветра, что звезды в небе студят
И сотрясают горы и моря.
Нет, не поднять им гробовые плиты!
Единой тенью лица их укрыты,
Единой слепотою взор незряч.

Не тот ли сон и нам смежает очи
Рукою нежной с наступленьем ночи
И в добрый путь уводит, в край чудес?
Но пасть могилы щерится с презреньем
На наши страсти, страхи и виденья,
И муки ада, и восторг небес.

Ни памятника, ни воспоминанья
О племенах без счета и названья
Ушедших за столетия во тьму.
«Бог весть»? Но кто промолвит это слово,
Коль нету ни святого, ни мирского,
Когда настал конец, конец всему?

Что ж, доброй ночи им! Отдохновенья
От всех забот в покое и забвенье!
Да будут боги милостивы к ним!
Но если смерть не знает снисхожденья,
Быть может, сами боги — наважденье,
Что в смертный час рассеется, как дым?

Все глубже урна черпает во прахе,

По обод погружаясь в каждом взмахе,
Но голод бледных уст не утолить.
Неужто снова плотью обратится
Сей жалкий тлен? И что нам — веселиться
При виде мертвецов иль слезы лить?

Да все равно! Они уже далёко,
И сколько ты ни плачь, не будет прока,
И как ни смейся, горя не уймешь.
Кричи, рыдай — никто не отзовется;
Вздыхай, покуда грудь не разорвется;
Хоть расшибись, а мертвых не вернешь.

Шипит вино, и пряности сверкают,
Уста огня со вздохами ласкают
Сухие капли благовонных смол,
Вокруг цветы печали пламенеют —
Подобие огня, но холоднее:
Дары тому, кто навсегда ушел.

О, да! тому, что было нам отрадой,
Вослед мы шлем отраду уст и взгляда:
Плоды земли, цветы, и фимиам,
И то, что вин и пряностей дороже, —
Никто из нас цены назвать не сможет
Ветвей и лоз не ведавшим плодам.

Да! горло юноши и грудь отроковицы
Цветут под лезвиём; в огонь струится
Густой, соленый, темный, томный ток:
Он оросит угасшие поленья,
Он окропит цветы и подношенья,
Он окровавит каждый лепесток.

И розы опаленные воспрянут,
И будут пить, и, влагою багряной
Насытившись, раскроют ложесна;
И те цветы, что дарят наважденья,
Забудутся в пурпурном наслажденье
На ложе нег, а не в пучине сна.

Что ж горевать над перстию земною,
Когда всему, что живо под луною,
Пескам пустыни и пескам времен,
И розам дней, и маковым виденьям,
Вину, цветам, и крови, и поленьям
Всему, всему один конец сужден?

Для мертвеца равны любовь и злоба;
Ушедший не ответит из-за гроба,
Не возгорится нашею мечтой;
Он глух и нем, как каменные плиты,

Его запыляя смертью перевиты,
Его чело укрыто слепотой.

Ни молния, ни ветер, ни гром небесный
Его не вырвут из могилы тесной;
Что отнято, не воротится вспять,
Что сломано, уж не срастется снова,
Что сковано, не разорвет оковы,
Что умерло, тому уж не восстать.

Наш срок измерен той же мерой пыльной,
Которой уделяет необильно
Судьба нам то усладу, то беду;
Родятся наши дети с криком боли,
И будут жить в страданиях и неволе,
И в смертных корчах мукой изойдут.

И, присягнув на верность сюзерену
(Кому-то, чей родитель — груда тлена,
А мать — бессильный червь во прахе том),
Мы трудимся и служим — но напрасно!
За гробом всё, что свято и прекрасно,
Смешается с уродством и грехом.

В тенистой древней роще у колодца
Медовой сладью новый плод нальется,
Но там, куда умершие ушли,
Июльский полдень соком не наполнит,
И не сожжет дотла, и не напомнит
Ни лет минувших, ни даров земли.

За них за всех, покинутых, несчастных,
Окованных, бездвижных и безгласных,
Молись и бди, не спи ночей и дней —
Но не проникнут все твои моления
За ту завесу вечного забвенья,
Что покрывает и любовь, и гнев.

Пусть изотрет бока свои стальные
Усталый мир, и времена иные
Настанут, и сойдут с былых кругов
Планеты и года, — но эти тени
Уже ничто на свете не изменит:
Ни плач людей, ни вечный смех богов.

Превыше всех времен и поколений
В недвижности венцов и облачений,
Бессмертие влача, как смертный сон,
Свидетельствуют боги о незримом,
Над миром возвышаясь, как над ними —
Самой Судьбы незыблемый закон.

Судьба не дрогнет пред улыбкой бога,
И нам богов мольбою не растрогать;
Из гроба не поднимется мертвец
По слову их: сильнее слёз и страсти,
Сильнее жизни в горе или счастье —
Дурманнный сон, всему, всему конец.

МАСТЕР ХРАМА (1 удар). Брат Водолей! С какой целью мы собрались?

ВОДОЛЕЙ (поднимается и шепчет ему на ухо). Шаббатаи.

ВСЕ (вслух). Шаббатаи.

МАСТЕР ХРАМА (1 удар). Утолили ли братья голод?

ВОДОЛЕЙ. Телами детей своих.

МАСТЕР ХРАМА (1 удар). Утолили ли братья жажду?

ВОДОЛЕЙ. Маком, напитанным кровью.

МАСТЕР ХРАМА. Каркнул ворон.

ВОДОЛЕЙ. Ухнула сова.

КОЗЕРОГ. Нетопырь захлопал крыльями.

МАСТЕР ХРАМА. Итак... свет!

КОЗЕРОГ включает синий свет.

МАСТЕР ХРАМА (1 удар). Брат Водолей, я чую беду!

ВОДОЛЕЙ (1 удар). Мастер, зло грядет. (**КОЗЕРОГУ**;) Стражу сюда!

КОЗЕРОГ. К оружию, братья!

Все ПОСЛУШНИКИ встают и следуют за ним. КОЗЕРОГ касается всех помощников своим копьём, осматривает двери и т.д.

КОЗЕРОГ. Все часовые на постах, о Мастер! Отбой тревоги.

МАСТЕР ХРАМА (1 удар). Брат Водолей, я чую беду!

ВОДОЛЕЙ (1 удар). О Мастер! Предатель среди нас! (**КОЗЕРОГУ**;) Провести смотр!

КОЗЕРОГ. Братья, очистите ваши сердца!

КОЗЕРОГ встает и заглядывает каждому в глаза. Дойдя до ВЕСТНИКА КОЗЕРОГА, хватает его за волосы, тащит к алтарю и пронзает копьём. Продолжает и завершает смотр. Возвращается на свое место и кланяется МАСТЕРУ ХРАМА.

КОЗЕРОГ. О Мастер! Правосудие свершилось над предателем. Остались лишь те, кто верен.

МАСТЕР ХРАМА. Такова участь всех предателей!

КОЗЕРОГ гасит свет.
Пауза.

ЧАСТЬ III

Темнота.

ВОДОЛЕЙ (*выступает вперед и преклоняет колени перед МАСТЕРОМ ХРАМА*). О Мастер! Молим тебя, дозвошь нам продолжить обряд!

МАСТЕР ХРАМА. Не было хруста в сухой листве.

КОЗЕРОГ преклоняет колени, подобно **ВОДОЛЕЮ**.

ВОДОЛЕЙ и **КОЗЕРОГ.** О Мастер! Молим тебя, дозвошь нам продолжить обряд!

МАСТЕР ХРАМА. Не было сердца у черного агнца.

Все **ПОСЛУШНИКИ** преклоняют колени, подобно **ВОДОЛЕЮ** и **КОЗЕРОГУ**.

ВСЕ. О Мастер! Молим тебя, дозвошь нам продолжить обряд!

МАСТЕР ХРАМА. Найден мертвым священный змей.

НЕБЕСНАЯ МАТЬ выступает вперед и преклоняет колени перед **МАСТЕРОМ ХРАМА**, оказываясь таким образом в вершине пирамиды просителей. Затем она поднимается и выражает свою просьбу в музыке²², после чего вновь опускается на колени.

МАСТЕР ХРАМА. Да продолжится церемония.

НЕБЕСНАЯ МАТЬ возвращается на свой престол. **ВОДОЛЕЙ** поднимается, а **КОЗЕРОГ** возвращается на свой пост и зажигает светильник.

ВОДОЛЕЙ и все присутствующие выражают свою радость в буйном танце под звуки тамтама.

Среди всеобщей суеты **ВЕСТНИК КОЗЕРОГА** проскальзывает в святилище и прячется за завесой, где меняет облачение стражника на танцевальный наряд.

МАСТЕР ХРАМА. Тишина!

Пауза.

МАСТЕР ХРАМА (1 удар).

---

²² «Вечерняя песня» [Роберта] Шумана [1819—1896]. — Примеч. А. Кроули.

ВОДОЛЕЙ (1 удар).

МАСТЕР ХРАМА (1 удар). Да святятся Светочи Радости!

ВОДОЛЕЙ. Да святятся Светочи Скорби!

МАСТЕР ХРАМА. Войдем в ковчег Возросшего Знания!

КОЗЕРОГ. Здравствуй, сидящий в Городе Пирамид!

ВОДОЛЕЙ. Здравствуй, разбивший свой стан у Великого Моря!

МАСТЕР ХРАМА. Здравствуйте, братья!

КОЗЕРОГ. О Мастер, что есть Возросшее Знание?

МАСТЕР ХРАМА. Смерть.

ВОДОЛЕЙ. О Мастер, что есть Ковчег его?

МАСТЕР ХРАМА. Могила.

ВОДОЛЕЙ и **КОЗЕРОГ**. Как нам войти в нее, Мастер?

МАСТЕР ХРАМА. Встаньте! Идите за мной!

МАСТЕР ХРАМА встает и обходит святилище противосолонь. **КОЗЕРОГ** выбирает каждого третьего из присутствующих²³ и ведет за собой, продолжая таким образом, пока не останется только один. **МАСТЕР ХРАМА** выводит этого последнего вперед и обращается к нему.

МАСТЕР ХРАМА. Ты тоже должен умереть.

МАСТЕР ХРАМА останавливается на востоке.

МАСТЕР ХРАМА. Братья! Смиренно войдем за завесу, взыскупя помощи.

МАСТЕР ХРАМА раскрывает завесу. За ней обнаруживается пустое святилище. **ВЕСТНИК КОЗЕРОГА** хорошо скрылся — его не видно. **МАСТЕР ХРАМА** закрывает завесу. **КОЗЕРОГ** гасит свет.

МАСТЕР ХРАМА. Увы! Бога нет!

МАСТЕР ХРАМА возвращается на свой престол. Остальные бродят вокруг в беспорядке, громко рыдая.

МАСТЕР ХРАМА (1 удар). Тишина.

Все садятся.

---

²³ Имеются в виду Послушники, а не зрители. — Примеч. перев.

МАСТЕР ХРАМА. Я возвещал вам беду, а вы мне не верили!

ЧАСТЬ IV

Темнота.

ВОДОЛЕЙ. И впрямь, о мастер, продолжать обряд невозможно. В святилище нет Бога.

МАСТЕР ХРАМА. Брат Водолей! Пусть приступят к поискам.

ВОДОЛЕЙ. Брат Козерог! Пусть приступят к поискам.

Зажигается свет. КОЗЕРОГ входит в святилище за завесу, проходит вперед и назад. Возвращается. Свет гаснет.

ВОДОЛЕЙ. Брат Козерог! Что ты нашел?

КОЗЕРОГ. Мастер, там нет ничего, кроме пригоршни праха.

ВОДОЛЕЙ. Ни единой живой души?

КОЗЕРОГ. Ни единой живой души.

МАСТЕР ХРАМА читает стихотворение «Чувствительная беседа»²⁴:

В саду, где стужей веет от земли,
Два привиденья только что прошли,

Глаза мертвы, давно уста увяли.
Расслышать можно шепот их едва ли.

Двум призракам напомнил старый сад
О том, что было много лет назад.

— Ты помнишь наши прежние свиданья?
— Помилуйте, к чему воспоминанья?

— Тебе я снюсь? Трепещешь ты в ответ,
Когда мое раздастся имя? — Нет.

— Блаженство наше было столь безмерно.
Мы целовались... Помнишь? — Да, наверно.

— Надежда, как лазурь, была светла.
— Надежда в черном небе умерла.

В полях туманных призраки пропали.

---

²⁴ Стихотворение Поля Верлена; далее приведено в переводе Владимира Микушевича. — *Примеч. перев.*

Их слышал только мрак... И то едва ли.

ВОДОЛЕЙ. О Мастер, это невыносимо!

МАСТЕР ХРАМА. О Небесная Мать! Восплачем!

НЕБЕСНАЯ МАТЬ играет на скрипке²⁵. **МАСТЕР ХРАМА** читает «Сад Прозерпины» Суинберна²⁶:

Здесь мир покоем длится;
Здесь вся напасть извне
Умолкшей бурей мнится
В безбрежном смутном сне;
Я вижу: колос зреет
Для тех, кто жнет и сеет,
Коса над полем реет
В дремотной тишине.

Постыло все, что в счастье
Иль в горести живет;
Грядущее ненастье,
Что сеющий пожнет;
Приелась жизни проза,
Цветов бесплодных поза,
Стихия, жажда, греза,
И только сон — не в счет.

Здесь жизнь живет со смертью;
Далече, неслышны,
Волна и ветер вертят
И души, и челны;
Они дрейфуют всеу,
Земли отвне не чуя,
Но здесь ветра не дуют:
Ни всплеска, ни волны,

Ни рощицы, ни тины,
Ни вереска цветов —
В саду у Прозерпины
Лишь мак бесплотных снов,
И в цвет багряно-медный
Окрасится победно
Напиток заповедный —
Вино для мертвецов.

Неплодных пашен маки
Бессчетны и бледны,
К земле припав, во мраке
Они рождают сны;

---

²⁵ «Легенду» Венявского. — *Примеч. А. Кроули.*

²⁶ Стихотворение Суинберна «Сад Прозерпины» далее приведено в переводе Николая Караева. — *Примеч. перев.*

И как душа, что бродит,
Ни в ад, ни в рай не входит,
В туман одет, нисходит
Зачахший свет из тьмы.

Кто был сильнее сильных,
Познает смерти плен
Без пыток замогильных
Иль райских крыл взамен;
Как роза будь прекрасна —
Краса твоя напрасна,
В любви почиешь ясно,
Но эта ясность — тлен.

Бледна, в безмолвье сада
Она царит окрест —
Сгоняет смертных в стадо
Бессмертный хладный перст;
Ее лобзанья слаще
Любви, пред ней дрожащей,
Для тварей, с нею спящих,
Любых эпох и мест.

В ее объятых будет
Любой, рожденный здесь;
Он землю-мать забудет
И хлеб, что дан нам днесь;
Зерну, ростку и птице
Туда прибыть случится,
Где рок цветов — глумиться,
Где тщетна лета песнь.

Любовь, объята хладом,
В увядший сад спешит;
И мора год, и глада
Туда же путь вершит;
Мираж, тщетой сраженный,
Бутон, тепла лишенный,
И мертвый лист червлёный,
Что на ветру дрожит.

Печаль, мы знаем, минет,
А счастье прочь бежит,
«Теперь» назавтра сгинет,
Нас время победит;
Любовь — слаба, ранима, —
Вздохнет с укором мнимым,
Всплакнет, тоской томима:
Ничто любовь не длит.

От страха, веры, страсти
Свободны на века,

Мы благодарны власти
Богов, чья тень зыбка,
За то, что жизнь прервется,
И мертвый не проснется,
И с морем вновь сольется
Уставшая река.

Нас не смутят светила
Иль проблеск в темноте,
Ни вод взбурливших сила,
Ни звук, ни вид, ни тень,
Ни ветхий лист, ни вешний,
Ни дым напрасный здешний;
Нам вечность — сон кромешный
В кромешной пустоте.

КОЗЕРОГ. О Мастер, это невыносимо!

МАСТЕР ХРАМА. О Небесная Мать! Свершим наш труд!

НЕБЕСНАЯ МАТЬ. Узри служанок твоих!

МАСТЕР ХРАМА и **НЕБЕСНАЯ МАТЬ** рука об руку удаляются за завесу.
КОЗЕРОГ зажигает свет.

НЕБЕСНАЯ МАТЬ играет песнь отчаяния²⁷.

МАСТЕР ХРАМА приоткрывает завесу. Видно, что он стоит на алтаре.

О братие! Изгнанники ковчега,
Во тьме глухой не чающие брега,
О, призрачные странники во мгле!
Не слёзы — кровь души моей болящей
За годом год я лью о вас, пропащих,
Не знающих отрады на земле.

Я вашей болью болен, я недужен
Недугом вашим, страждущие души!
Я стражду вашей смертною тоской!
Вселенную от края и до края
Обшарил я, напрасно уповая
Найти вам утешенье и покой.

И вот — нашел доподлинное слово
На радость вам! Среди всего живого
И неживого разнеслась молва,
Что нету Бога! Нету негодяя,
Кто создал вас и мучит; и, страдая,
Не тешите вы злобы Божества!

То был лишь сон о некой Силе темной,
Живой, разумной, олицетворенной,

---

²⁷ «Колыбельную» [Франца] Хаузера [1794—1870]. — Примеч. А. Кроули.
В постановке 1910 года Лейла Уоддел исполняла эту пьесу, стоя за завесой. — Примеч. перев.

Что прокляла нас жизнью — и о ком
Мы тщетные проклятья возносили,
От жизни той не чая ни в могиле
Укрыться, ни отделаться клинком.

Отныне же известно без сомнений:
Покой могилы свят и неизменен,
А все мученья жизни — краткий миг,
Покуда наша плоть, разъята тленьем,
Не обернется воздухом, растеньем,
Водой, землей и новыми людьми.

Таков конец наш; так сойдет со сцены
Весь род людской, которому на смену
Придет иной — и канет, как и он,
В зонах без числа в земной утробе,
Где человек последний, как во гробе,
С последним мастодонтом погребен.

Закон природы правит человеком,
Как всякой тварью; ни о ком вовеки
Ни мягче он, ни строже не судил:
Не от любви его сияет силой
Красавец-тигр, а жабы нам постылы
Не от того, что он их невлюбил.

Все сущее в обличьях несчислимых
Воюет меж собою, но незримо
Единой сетью связано в одно;
И коль судьба рожденье предрешила —
О том сошлись все знаменья и силы,
И отменить того не суждено.

Нет ни добра, ни зла во всей Вселенной —
Не проклятой и не благословенной:
Лишь Неизбежность царствует над ней;
И бездна бесконечной, темной Тайны
Не озарится искрою случайной
Для нас, теней летучих в зыбком сне.

О, братие! Дотерпим до могилы,
Влача свой крест — дыханья труд унылый!
Тосклив и темен, но недолог путь!
А если уж невмочь — теперь без страха
Покончить можно всё единым махом
И навсегда без просыпа уснуть²⁸.

МАСТЕР ХРАМА задувает красные огни.

---

²⁸ Из поэмы Джеймса Томсона [1834—1882] «Город ужасной ночи» (James Thomson. *The City of Dreadful Night*. Reeves and Turner, London, 1888). Приведенные стихи представляют собой отрывок из XIV части поэмы. — Примеч. А. Кроули.

ВЕСТНИК КОЗЕРОГА выбегает с тамбамом и танцует буйный танец. В заключение **ВОДОЛЕЙ** и **КОЗЕРОГ** подбегают к завесе и рывком раздвигают ее. **ВЕСТНИК КОЗЕРОГА** бросается к алтарю и падает ниц перед ним.

ПРЕДВОДИТЕЛЬ ХОРА вновь зажигает яркий свет. Обнаруживается, что **МАСТЕР ХРАМА** лежит замертво. **НЕБЕСНАЯ МАТЬ** плачет, поддерживая его голову. **КОЗЕРОГ** гасит свет. **ВОДОЛЕЙ** закрывает завесу. **НЕБЕСНАЯ МАТЬ** исполняет на скрипке последний безнадежный плач²⁹.

Тишина.

ВОДОЛЕЙ. Брат Козерог! Который нынче час?

КОЗЕРОГ. Полдень.

ВОДОЛЕЙ. Разойдемся. Совершилось!

КОЗЕРОГ обнажает меч и становится перед завесой. Остальные выводят публику из зала.

© Перевод: Анна Блейз,
www.oto.ru

---

²⁹ «Похоронный марш» [Лейлы] Уоддел. — Примеч. А. Кроули.